

Клоачный принц
Книга 1

18+

Назар Сотников

Клоачный Принц

<https://litres.ru/74683928>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аксиома — город, построенный на ране мира. Здесь магия — это наркотик, а жизнь стоит дешевле кристалла.

Деймон Вэнс — «Слепень», рожденный в радиоактивных стоках Клоаки. Он — Пустота. Там, где он проходит, гаснут магические фонари и сходят с ума древние артефакты. В мире, где люди выживают за счет чар, его дар — это проклятие.

Когда магическая буря убивает его единственного друга, наивность Деймона умирает вместе с ним. Найдя в грязи слиток чистого золота, он понимает: чтобы выбраться из сточных канав на хрустальные шпили Падшего Монарха, мало быть пустым. Нужно стать тем, кто эту пустоту продает.

Он начнет с обмана уличных торговцев, подсовывая знати антимагическую пыль под видом наркотика. Он закончит тем, что будет играть судьбами баронов и плести интриги при дворе.

Это гримдарк о цене власти. История о том, как человек без капли магии решает купить и сломать мир, пропитанный колдовством.

Назар Сотников

Клоачный Принц

Глава 1

АКТ I. ПАДШИЙ

Глава 1. Вкус пепла и молока

Я не помню времени, когда не было Гула. Для других детей, говорят, это пытка — вибрация, от которой крошатся зубы и хочется вырвать себе глаза. Но для меня это была колыбельная. Мама Мэй называла это «Песней Оськи». Она говорила, что пока Ось гудит, мы в безопасности, потому что она дышит.

Я лежал на ее животе. Вернее, на том месте, где он когда-то был. Сейчас это был просто теплый бугор из плоти, сросшейся с главной трубой Клоаки. Ноги мамы давно превратились в часть канализации — фиолетовые кристаллы росли прямо из ее бедер, пульсируя в такт Гулу. — Тише, мой свет, — шептала она, и ее голос был похож на скрежет ржавого железа, но для меня он звучал нежнее любой музыки. — Тише. Если ты будешь громким, Оська услышит и заберет твой голос. Станешь пустым, как я.

Я не знал, что значит «пустым». Я думал, это комплимент. Мама была прозрачной в темноте, она светилась мягким фи-

олетовым светом, и я любил прижиматься щекой к ее груди, где сквозь кожу виднелось мерцание магического сердца. Мир вокруг был прекрасным. Потолок нашего закутка в «Слизи» был усеян «звездными мухами». Они не были настоящими насекомыми — это были сгустки чистой энергии, которые летали по своим делам, оставляя за собой следы, похожие на кометный хвост. Я пытался поймать их ладонью, но они меня боялись. Как только моя рука оказывалась рядом, «звездная муха» испуганно гасла и падала на пол тусклым угольком. — Не трогай их, Дей, — говорила мама. — Ты — Пустота. Ты пугаешь свет.

Я не хотел никого пугать. Я просто хотел, чтобы было красиво. Я думал, что Клоака — это и есть весь мир. Фиолетовый, теплый и гудящий.

Мама ушла «слушать трубы» — чинить какую-то протечку выше по уровню. Она велела мне сидеть тихо и жевать «сладкую траву». Я жевал. Мох был горьковато-сладким, от него по языку бегали мурашки, а в животе становилось тепло. Я смотрел, как «звездные мухи» танцуют над лужей застывшей маны. Вдруг из фиолетового тумана беззвучно вышли они.

Сосунки. Их было семеро. У них не было глаз — только два белых, мутных бельма, светящихся собственным светом. Их кожа переливалась перламутром. Они пили ману, и она их меняла. Вожак, Хруст, подошел ко мне. Он назывался так, потому что при каждом вдохе у него внутри что-то ломалось.

— *Ти-шшш...* — прошелестел он.

Он протянул мне ладонь. На ней лежал кусок «Золотой Пыли». Настоящей, чистой. Она сияла так ярко, что мне пришлось прищуриться. В Клоаке это было сокровище. — *Делись*, — пискнул Хруст.

Я не был жадным. Я был наивным. Я верил, что если я поделюсь, мы станем друзьями. Я открыл рот, чтобы спросить: «А она вкусная?», но Хруст вдруг зашипел. Его бельма сузились. Остальные Сосунки бросились на меня.

Я не дрался. Я просто... перестал быть. Когда они подбегали, их магическое чутье — то, чем они видели вместо глаз — сошло с ума. Рядом со мной не было маны. Была пустота. Они врезались друг в друга, как слепые щенки. Хруст упал, запутавшись в собственных ногах. Я не бил его. Я просто аккуратно переступил через него и пошел к выходу. — Мы просто хотели поиграть! — крикнул я им вслед, потому что мне было их немного жаль. Они выглядели такими одинокими.

Гул изменился. Он стал острым. Как игла, входящая под ноготь. — *Се-эра...* — пискнул Тик-Так, прижимаясь к моей ноге. Тик-Так ходил за мной везде. Он был еще почти нормальным, у него даже пальцы на одной руке остались человеческими. Он ходил за мной, потому что Сосунки его не видели, пока он стоял рядом со мной. Моя пустота была для него плащом-невидимкой.

Начался «Рёв». Земля ударила нас по пяткам. Сверху по-

шел «Золотой Дождь». Для Сосунков это был праздник. Они открывали рты и прыгали, ловя свет на язык. — *Сла-адко!* — визжал Хруст, катаясь по полу.

Я тоже открыл рот. Но я не прыгал. Я смотрел. Я видел то, чего не видели они. Капля «Золотой Пыли» упала на руку Тик-Така. Она не светилась — она *вгрызалась*. Как раскаленная игла. Кожа мальчика мгновенно покраснела, пошла пузырями, и из пузыря полез острый фиолетовый шип, пробивая ладонь насквозь. — Горячо! — взвизгнул Тик-Так и вцепился в меня.

Инстинкт сработал сам. Я не думал: «Используй магию». Я просто сделал то, что делал всегда. Я *выдохнул* вокруг нас вакуум. Воздух сгустился, стал твердым, как стекло. «Золотой Дождь» ударился об эту невидимую стену и потек по ней вниз, в стоки. Мы оказались внутри пузыря абсолютной тишины.

Тик-Так упал мне в руки. Он дрожал. Я прижал его к себе, начал дуть на его руку, пытаюсь согреть. Мама всегда так делала, когда я обжигался. Но мое дыхание было «пустым». Оно не несло тепла. Оно несло небытие. Чернота на пальцах Тик-Така поползла быстрее. Она не сжигала — она *высасывала*. Мальчик дернулся раз, другой. Его глаза-бельма уставились на меня. Из рта вытекла струйка светящейся крови. Он обмяк.

В Клоаке стало тихо. Даже Гул Оськи на мгновение исчез. Я сидел на корточках, держа на руках мертвого друга. Я не

плакал. Говорят, когда магия уходит из тела, уходят и слезы. Внутри просто стало... пусто. Но это была не моя обычная, привычная пустота. Это была дыра. Кто-то взял и вырезал кусок из моего мира.

Я посмотрел на свои руки. Они были в крови Тик-Така. Кровь была обычной, красной. Она не светилась. «*Моя кровь — красная. А их кровь — светящаяся*». Эта мысль была первой, которая не была о маме или «звездных мухах». Это была просто констатация факта.

Когда Рёв стих, я начал двигаться. Я больше не был ребенком. Я стал механизмом. Я аккуратно, почти нежно, опустил тело Тик-Така на пол. Поправил ему волосы, чтобы грязь не лезла в глаза. Я не чувствовал горя. Я чувствовал... неудобство. Теперь мне придется искать еду одному, и делиться будет не с кем.

Я начал рыться в завале, который принес Рёв. Я искал не еду. Я искал *инородное*. Мои пальцы, привыкшие отличать «живой» камень от «мертвого», наткнулись на него. Золото.

Слиток размером с мою ладонь. Желтый, тяжелый, маслянистый. В мире фиолетового безумия этот цвет резал глаза. Я взял его. Я не улыбнулся. Я не представил, как куплю на него солнце. Я провел по нему своим «даром». Ничего. Обычный металл. Мертвый. Как я.

Я посмотрел на него. Потом на свои руки. Потом на тело Тик-Така. В моей голове, где раньше был только гул и голос мамы, щелкнуло. Тихо, но очень отчетливо. «*Сосунки едят*

пыль и умирают. Они легкие. Их уносит ветром. Я тяжелый. У меня есть золото. Золото не светится. Оно тяжелое. Оно тонет».

Я завернул слиток в остатки своей рубашки. Ткань была гнилой, она рассыпалась под пальцами. Я встал. Я не стал хоронить Тик-Така. В Клоаке нет могил, есть только фильтры. Я просто оставил его лежать. Он станет частью стены через неделю.

— Мы уходим, — сказал я. Теперь мой голос звучал иначе. В нем не было детского любопытства. В нем была только тяжесть золота на груди. Я пошел к Вратам. Наверх. Я больше не был «Слепнем». Я был «Пустым», который только что понял: если у тебя есть кусок мертвого мира, живой мир может купить тебя. И я собирался торговаться.